В. В. Огарков

Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность

Серия «Жизнь замечательных людей»

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175640

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Вступление 6
Глава I. Начало карьеры Воронцовых 9
Глава II. Михаил Воронцов – великий канцлер 17
Конец ознакомительного фрагмента. 22

В. В. Огарков
Воронцовы
Их жизнь и общественная деятельность
Биографические очерки
С портретом князя М. С. Воронцова, гравированный в Лейпциге Геданом и родословной семьи

Генерал-фельдмаршал М.С. Воронцов

Вступление

В числе фамилий, представители которых занимали за последние полтора столетия высокие государственные должности и отличались талантами, на одном из самых первых мест стоит род Воронцовых, давший нашему отечеству замечательных деятелей. Достаточно назвать знаменитого президента Российской Академии княгиню Дашкову (урожденную Воронцову), искусного дипломата Семена Романовича и деятеля недавно минувшего времени, князя Михаила Семеновича, чтоб видеть, на каких разнообразных поприщах заслуженно прославились представители помянутой фамилии. Редкая для своего времени образованность, самостоятельность и энергия, большие таланты и трудолюбие составляли, передаваясь преемственно, удел многих Воронцовых, а в особенности тех, которым посвящен наш очерк: канцлера Елизаветы Михаила Илларионовича, его племянников Александра и Семена Романовичей и сына последнего – князя Михаила Семеновича.

Если мы обратим внимание на условия, при которых приходилось жить и действовать Воронцовым, то должны признаться, что в атмосфере лести и угодничества, в раболепной обстановке, окружавшей фаворитов и "случайных" людей тогдашнего времени, и притом в стране, где "почти не было общественного мнения" (по выражению автобиографической записки графа Александра Воронцова), самостоятельность убеждений и отсутствие льстивой угодливости составляли, несомненно, редкое и высокое достоинство. Способность "с улыбкою говорить правду государям", да еще таким, как Павел I, нельзя не считать доказательством душевной стойкости. А между тем в братьях Александре и Семене Воронцовых мы несомненно встречаем эти черты характера, которыми, может быть, в значительной степени объясняются превратности и неудачи их карьеры: холодное отношение к братьям Екатерины II, – не переваривавшей сурового и стойкого нрава Александра Романовича и, как известно, тяготившейся Дашковой, – а также и суровые меры императора Павла I по отношению к Семену Романовичу, последствия которых, к счастию, быстро были заглажены вскоре воцарившимся Александром I.

Бескорыстие, столь редкое в то время, составляло одну из симпатичных сторон изображаемых нами Воронцовых. И на этом с отрадою отдыхает исторический обозреватель той эпохи, когда повальная корысть обуяла всех сверху донизу, когда казенные деньги бесцеремонно смешивались с собственными и грабеж казны для личного обогащения в той или другой форме был одним из распространенных явлений.

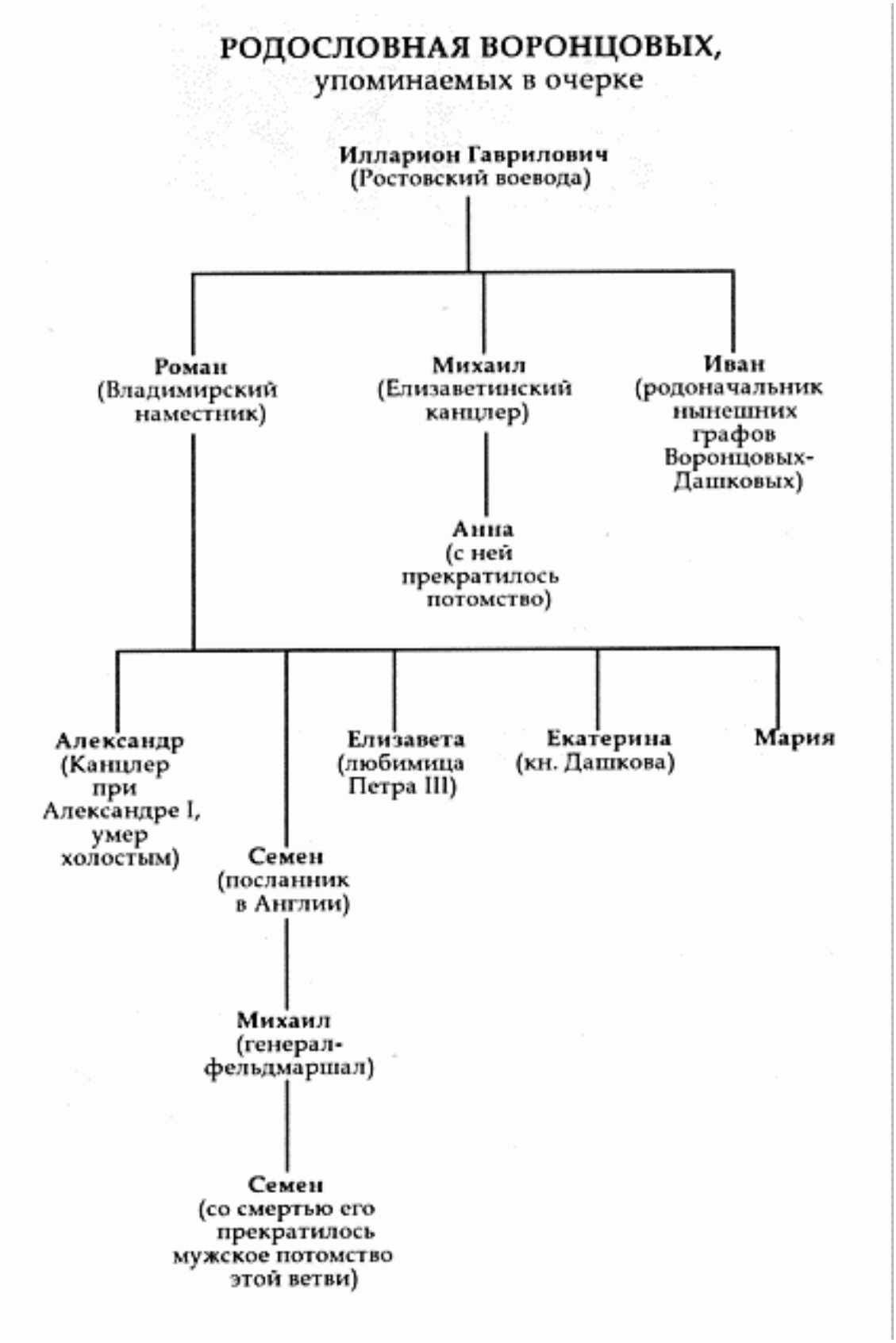
Но отмеченные выше достоинства героев настоящего очерка не исключали существования в них недостатков. Некоторые привычки и понятия, всасывающиеся с молоком матери и упорно поддерживающиеся всем строем окружающей жизни, провожают человека до могилы. И как нам теперь кажутся несправедливыми и жестокими многие взгляды и привычки прошлого, так, вероятно, и наши собственные отношения к окружающим нас явлениям, – наш умственный и нравственный обиход, – покажутся потомкам варварскими.

Если мы с этой точки зрения посмотрим на лиц, которым посвящен этот очерк, то увидим, что, обладая в слабой степени некоторыми из недостатков своего времени, въевшимися, так сказать, в людей органически, Воронцовы далеко превосходили современников своими достоинствами. Графы Александр и Семен Романовичи, как деятели главным образом минувшего столетия, когда в обществе еще очень робко и пугливо раздавались голоса против крепостного права, не могли горячо сочувствовать освободительным тенденциям, ссылаясь, между прочим, и на неподготовленность "раба" к освобождению. Но и они возмущались многими явлениями крепостничества, и в особенности продажею отдельных крестьян. А сын Семена Воронцова – князь Михаил Семенович, – как в этом, так и в других вопросах был одним из убежденных членов небольшого передового кружка людей во время

императора Александра I и, как известно, подал в это царствование вместе с Каразиным и другими записку об освобождении крестьян.

В странах, где, благодаря историческим условиям, во главе народа поставлены высшие классы, нельзя не отметить как благоприятное обстоятельство тот факт, что некоторые представители этих классов сознают свои обязанности по отношению к обществу и искренно проводят в своей деятельности правило “noblesse oblige”[1]. Этот принцип всегда был на виду у лучших представителей рода Воронцовых.

[1] благородство обязывает *(фр.)*



Родословная Воронцовых

Глава I. Начало карьеры Воронцовых

"Феерическое" время. – Воевода Воронцов. – Его семья. – Дружба святителя Димитрия Ростовского. – Сближение Воронцовых с Елизаветою. – Веселый двор цесаревны. – Служба Михаила Воронцова. – Воцарение Елизаветы. – Участие в этом событии Воронцова и Лестока. – Милости государыни к Воронцовым. – Женитьба на кузине императрицы. – "Пляска на вулкане". – Судьба знатных в минувшем столетии. – Канцлер Бестужев. – Отношение его к Михаилу Воронцову. – Охлаждение императрицы к испытанному слуге. – Заботы Воронцова о родных. – Стесненные денежные дела его. – "Иллюминации и трактаменты". – Просительные письма вице-канцлера. – Деятельность его. – Отношение к Ломоносову. – Исполнение курьезных поручений. – Воспитание дочери. – "Мягкость" Воронцова. – Отвращение к интригам

Восемнадцатый век в русской истории необычайно обилен волнениями и переворотами, представлявшими благодарную почву для честолюбцев и ловких людей, создававших блестящие карьеры. Это был век необыкновенных и быстрых возвышений и не менее стремительных и ужасных падений. "Безродный баловень счастия", полуграмотный пирожник Меншиков был почти самодержавным властелином при Екатерине I и в детстве Петра II. Конюх Бирон сделался регентом громадного государства, раскинувшегося от Ледовитого океана до Черного моря. Каждое coup d'etat[2] выбрасывало людей из скромной обстановки в близость к трону и делало сержантов тогдашней гвардии, – как Потемкина и Орлова, – могущественными временщиками, князьями и графами; фельдшер Лесток получил высшие в государстве чины и ордена, а молодой офицер Зубов в небольшой промежуток времени сделался князем и "полным" генералом, приобретя такое могущество, которое под конец сломило и несокрушимого Потемкина. Это было сказочное, феерическое время с волшебными превращениями и людей, и окружавшей их обстановки.

Вероятно, и скромный статский советник и Ростовский воевода Илларион Гаврилович Воронцов (родился в 1674-м, умер в 1750 году) не думал, что судьба так скоро вознесет все его ближайшее потомство и сделает среднего сына – Михаила Илларионовича великим канцлером обширной Российской империи и мужем двоюродной сестры императрицы Елизаветы.

Михаил Илларионович родился 12 июля 1714 года. У него было два брата – Роман и Иван, – и возвышение среднего отразилось, понятно, на всем семействе. Старший брат будущего канцлера, Роман, был родоначальником тех Воронцовых, которым главным образом посвящен этот очерк.

О детстве Михаила Илларионовича мы имеем мало сведений, но то обстоятельство, что мать его, Анна Григорьевна, урожденная Маслова, пользовалась дружбою знаменитого святителя Димитрия Ростовского, достаточно объясняет факт, что будущий канцлер в ту бедную образованными людьми эпоху выделялся своею письменностью и книжным образованием. Благотворность близости святителя, который при чистоте жизни отличался большою любовью к книжному просвещению (известно, что он велел обложить себя в гробу своими черновыми рукописями), к семье Воронцовых могла выразиться именно в этом отношении, – и в восприимчивую душу даровитого мальчика Михаила могли запасть речи и пример образованного пастыря. И мы действительно видим в Михаиле Илларионовиче человека, смолоду любившего книги, поддерживавшего связи с русскими и иностранными учеными и содействовавшего образованию своих племянников – будущих государственных деятелей – Семена и Александра Романовичей. Известная образованность и способность владеть пером

[2] переворот, решительное преобразование, поворот *(фр.)*

были несомненною причиною того, что Михаил Илларионович при скромном дворе цесаревны Елизаветы, не изобиловавшем людьми письменными и книжными, являлся необходимым человеком.

По преданию, лицом, сблизившим с Елизаветою семью Воронцовых, что и явилось причиною необычайного возвышения последних, была жена старшего брата Михаила Илларионовича (Романа), мать княгини Дашковой, – Марфа Ивановна, урожденная Сурмина; она, получив громадное наследство от отца своего, служившего при Петре I "конюшим патриаршего приказа", часто ссужала Елизавету деньгами, в которых, как известно, цесаревна нередко нуждалась. В кассе будущей императрицы, повелительницы миллионов людей, за две недели до восшествия на престол, как видно из доношений начальника вотчинных дел, было менее *ста* рублей... При таком состоянии финансов Елизавета, естественно, должна была дорожить богатою сибирячкою Сурминой и отплатила впоследствии сторицею всей семье Воронцовых за оказанную ей помощь.

Как бы то ни было, но в 14 лет мы видим Михаила Илларионовича пажом при дворе цесаревны. Здесь, вероятно, он научился по-французски, владея порядочно этим языком и иногда ведя на нем корреспонденцию. Что же касается до немецкого, то, как видно из одной записки Екатерины II, просившей канцлера присылать ей немецкие депеши, последний им не владел.

Хотя цесаревна Елизавета и находилась в опале при жесткой характером императрице Анне, имевшей, конечно, право питать подозрительность к дочери Петра Великого, но, как известно, опальная цесаревна умела и в своем уединении от двора весело жить. Она была добрая, мягкосердечная женщина, не забывавшая оказанных ей услуг и способная на долгую привязанность. Как и многие женщины, склонная иногда прощать большое, она могла, однако, жестоко мстить за дерзость соперничать с нею красотою или затмевать ее нарядами на придворных балах. Известно, что главным образом за эти вины поплатилась красавица Лопухина. Тем не менее, Елизавета обладала симпатичным, добрым сердцем и в этом отношении была совершенным антиподом своей кузины, суровой и беспощадной Анны Иоанновны. Весьма возможно, что в атмосфере этого веселого, не знавшего особенных этикетов двора цесаревны, вблизи жизнерадостной Елизаветы, значительно окрепли те черты добродушия и гуманности в характере Михаила Илларионовича, которые мы встречаем во всех действиях этого вельможи. Может быть, тут сказалось и влияние доброй матери, а также и близость в детстве, когда так глубоко западают в душу все впечатления, к великому подвижнику земли русской – святителю Димитрию Ростовскому. Во всяком случае, можно смело сказать, что имя Михаила Илларионовича не замешано ни в одном кровавом процессе того времени и его совесть была чиста от обвинения в приобретении личного благополучия путем несчастия других. А это было обычным явлением в то время. Когда подвергшийся опале знаменитый канцлер Бестужев явился в совет, где ему объявили немилость государыни и где его арестовали, и когда непримиримый враг Бестужева, фельдмаршал князь Трубецкой, собственными руками сорвал с опального Андреевскую ленту, это очень оскорбило и опечалило Воронцова, хотя Бестужев был не раз причиною и его собственных огорчений. Отношение Воронцова к дочери, жене и племянникам ясно говорит о гуманности этого первого канцлера из даровитой семьи Воронцовых.

Будучи камер-юнкером Елизаветы, Михаил Илларионович исполнял многие поручения цесаревны, в том числе и важные. Мы уже сказали, что дочь Петра I должна была дорожить Воронцовым: он один в ее маленьком придворном штате владел пером, много читал и отличался образованием. При исполнении поручений, цесаревна могла убедиться в ловкости и преданности своего камер-юнкера. И по всему видно, что Елизавета отличала Михаила Илларионовича и верила ему. "Понеже я ни на кого такую надежду не имею, как на Вас, – писала цесаревна Воронцову, – так как себе верю: много апробаций имела". Долгое пребы-

вание при Елизавете сдружило последнюю с Михаилом Илларионовичем и заставило видеть в нем искреннего и преданного слугу; вот причины, по которым он – один из немногих – был посвящен в тайну задуманного переворота.

Настало 25 ноября 1741 года. Этот день, принесший несчастие правительнице Анне Леопольдовне и ее многострадальному семейству, был началом новой эры для рода Воронцовых: Михаил Илларионович принимал в событиях этого дня самое деятельное участие. Владычество немцев давно набило оскомину русским. Живо было еще в обществе воспоминание о жестокостях Бирона, курляндского конюха, распоряжавшегося в России, как когда-то у себя на конюшне. Взоры всех были обращены на дочь Петра, казавшуюся в глазах народа самою законною обладательницею престола отца и преемницею его славы. Недавний блестящий успех знаменитой расправы Миниха с Бироном кружил головы многим честолюбцам и заставлял надеяться на удачу и нового предприятия.

Известно, как произошло это достопамятное событие. В ночь на 25 ноября 1741 года цесаревна в санях Воронцова, с Михаилом Илларионовичем, ставшим на запятках, и сопровождаемая другими санями, занятыми ее приверженцами, приехала в Преображенские казармы, где уже находился Лесток; этот авантюрист предусмотрительно распорол ножом кожу барабана, чтоб растерявшийся часовой не произвел тревоги. Впрочем, по другим известиям, Лесток не дожидался в казармах, но стоял вместе с Михаилом Илларионовичем на запятках саней Елизаветы. Лесток и Воронцов тогда же арестовали Анну Леопольдовну и ее семейство.

Если мы примем во внимание, что в случае неуспеха отважного предприятия участникам его грозила страшная судьба и что вообще для участия в таком романтически-смелом поступке нужна была не робкая душа, то мы можем сказать, что добродушный и гуманный Михаил Илларионович скрывал в себе недюжинную энергию и отвагу и что, с другой стороны, он был искренно предан цесаревне.

Утро 25 ноября возвестило о новой русской императрице и о милостях ее к друзьям и помощникам в деле воцарения. Милости, доставшиеся на долю Михаила Илларионовича, вполне вознаградили его за риск участия в совершенном деле. Он был пожалован в камергеры (в то время это звание считалось более редким, чем ныне) к воцарившейся императрице, произведен в генерал-лейтенанты и назначен лейтенантом роты Преображенских гренадер, которая с тех пор получила название лейб-кампании, и те рядовые ее, которые не были дворянами, возведены в это достоинство и одарены поместьями. Михаил Илларионович тоже сделался владельцем богатых поместий и кавалером ордена св. Александра Невского. Вся семья Воронцовых, после счастливого воцарения Елизаветы, была осыпана милостями государыни, а жена брата Михаила Илларионовича (Романа) Марфа Ивановна, пользовалась неизменною дружбою государыни до самой своей смерти, несмотря на зависть и наговоры на нее императрице со стороны Шуваловой, имевшей большое влияние при дворе.

Скоро служба Михаила Илларионовича ознаменовалась новыми милостями Елизаветы: она ему предложила жениться на одной из своих двоюродных сестер, графине Гендриковой или графине Скавронской, дочерях двух родственников императрицы Екатерины I. Михаил Илларионович выбрал, “к счастию” (по выражению его племянника графа Александра Романовича в автобиографической записке), графиню Скавронскую и действительно жил с нею в полном согласии, хотя, как увидим ниже, не был счастлив в своем потомстве. Этот брак (в 1742 году) с родственницею государыни на время еще более сблизил Воронцова с Елизаветою и ознаменовался новыми милостями для всей семьи любимцев. Впрочем, вскоре произошли обстоятельства, которые охладили чувства императрицы к ее камергеру. Чистосердечный и неискусный в интриге Воронцов не мог хорошо лавировать среди разнообразных придворных течений, где были опытные интриганы вроде Бестужева.

Интересную и вместе с тем страшную картину представляла жизнь высокопоставленных сановников и придворной толпы в начале и середине прошлого столетия. Эта жизнь представляла собою положительно “пляску на вулкане”. И с страшными ударами судьбы и коварною переменчивостью счастья пришлось ознакомиться большинству тогдашних вельмож. “Полудержавный властелин” Меншиков, мечтавший основать чуть ли даже не собственную династию, обладатель громадных богатств, изведавший все почести, какие только возможны “на высоте”, кончил бедным изгнанником в Березове, в избе, занесенной сугробами снега... И это изгнание смирило гордую душу временщика: жестокий и надменный раньше, он кончил жизнь кротким христианином, со святым и умиротворяющим Евангелием в руках... участь Долгоруких, пославших Меншикова в ссылку, оказалась еще страшнее: после мук унижения, после позора и бедствий долгого изгнания они были вновь судимы и погибли на эшафоте мучительною смертью. И какой длинной вереницей тянутся эти страдальческие тени прошлого, деяния которых теперь мирно покоятся в архивах! Бирон, Остерман, Левенвольд, Миних, Девьер, Волынский... Сколько кровавых воспоминаний вызывают эти имена в нашем воображении!

Царствование Елизаветы было, правда, не так богато печальными процессами, – оно в этом отношении уступало предыдущим царствованиям, в особенности Петровскому времени и Бироновщине, – но все-таки нравы наших предков не могли внезапно из жестоких сделаться мягкими. Люди слишком огрубели от тех ежовых рукавиц, в которых их держали ранее, и, кроме того, многие еще деятели прежнего времени перешли деятелями и в новую эпоху.

Одним из сановников, искусившихся в интриге и игравших большую роль при Елизавете, является Алексей Петрович Бестужев, бывший кабинет-министр в царствование Анны и вице-канцлер при начале правления Елизаветы. Это был человек необычайно хитрый, замечательно даровитый и с большими государственными знаниями. Воспитанный в трудной школе бироновщины, когда приходилось ловчить всевозможными средствами, Бестужев мог провести и вывести на “свежую воду” всякого, хотя – по пословице “повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить” – и “старая лиса” Бестужев в конце концов сломал себе голову. Страстный противник Пруссии и Франции, он оказал в свое время большие услуги родине на политическом поприще. Благодаря энергии и ловкости, Бестужев побеждал всех своих противников и не постеснился выслать из России французского посланника Шетарди, помогавшего деньгами воцарению Елизаветы и думавшего найти в ней орудие французских происков. Бестужев, верно служивший интересам России, разрушил козни Шетарди, воспользовавшись оригинальным способом, изобретенным Фридрихом II, – перехватыванием чужих писем (“перлюстрация”). Француз неосторожно отзывался в своей корреспонденции об императрице, – письма были показаны государыне, и Шетарди выслали из Петербурга в 24 часа. Мы упоминаем об этом обстоятельстве и вражде к Франции со стороны Бестужева потому, что эти причины имели впоследствии влияние на группировку партий при дворе и на отношения Воронцовых к Бестужеву.

Бестужев, видя сначала в Воронцове помощника себе и человека, близкого к государыне, способствовал, после получения места великого канцлера, определению Михаила Илларионовича в вице-канцлеры (1744 год). Этою мерою он думал создать себе приверженца, и, с другой стороны, для него являлось весьма удобным то обстоятельство, что Воронцов часто виделся с Елизаветою и мог ей чаще докладывать, нежели сам Бестужев: государыня не особенно любила дела, да еще в докладах такого желчного, подозрительного старика, каким был великий канцлер. Михаил Илларионович, – и это делает ему честь, – всегда ценил таланты Бестужева и его расположение к себе. Молодой вице-канцлер усердно занимался делами, и его проекты часто одобрял сам канцлер. Деятельность с Бестужевым была великолепною школою для Воронцова: может быть, этому-то последний главным обра-

зом и обязан своими государственными знаниями и способностями, не без пользы впоследствии примененными к делу.

Но, несмотря на вышесказанное, столкновения между Воронцовым и Бестужевым были неизбежны: первый, частью по убеждению, а частью – из-за личных привязанностей к представителям Франции в России, с которыми его сдружило общее участие в событии 25 ноября, – держал сторону этой державы, между тем как Бестужев был ее ненавистником.

Старый канцлер сумел устранить молодого своего помощника от дел и влияния на императрицу, устроив его поездку за границу, которой Воронцов, пожалованный в 1744 году в графы Римской империи, очень желал и ранее. В это путешествие он отправился с женою и дочерью (родившеюся в 1743 году), в конце 1745 года. По обыкновению всех путешествующих русских вельмож, Михаил Илларионович смотрел в Европе разные диковины, покупал себе различные редкости, представлялся по дороге знатным лицам и царствующим особам, не забывая о своих впечатлениях сообщать знаменитому канцлеру. В свою очередь, и Бестужев писал Воронцову льстивые письма, неизменно заканчивая их “нижайшею просьбою о дружбе их сиятельств”.

В этой поездке прошел год, но старый канцлер, не терпевший, по своему громадному честолюбию, соперников во влиянии на дела и государыню, сумел, за время отсутствия своего помощника, наплести на него такую сеть интриг и клеветы и так убедить в справедливости этих наветов Елизавету, что она совершенно изменилась в отношениях к своему испытанному слуге и родственнику.

Несколько лет Михаил Илларионович не был у “личного доклада” государыне, его просьбы не исполнялись, а влияние на дела было самое незначительное. Но и любовь императрицы, и милости ее вернулись с лихвою к Воронцову впоследствии.

Мы должны отметить симпатичную черту вице-канцлера – его любовное и ласковое отношение к родне, и в особенности к детям овдовевшего в это время брата Романа. По возвращении из-за границы Михаил Илларионович взял к себе в дом младшую племянницу (впоследствии знаменитая княгиня Дашкова). Она была однолетком единственной дочери вице-канцлера и воспитывалась вместе с нею в доме дяди, где прожила до самого замужества. Племянники вице-канцлера – Александр и Семен Романовичи – с детства почти постоянно бывали у дяди, и он, как добрый отец, заботился об их воспитании и образовании. Такая близость к дяде и делам государственным, вместе с заботливым и ласковым отношением Михаила Илларионовича к племянникам, послужила для последних прекрасною подготовительною школою к будущей деятельности и хорошо ознакомила их с тогдашними делами и политическими деятелями.

За это же время охлаждения императрицы Михаил Илларионович начинает испытывать затруднения в денежных делах, и эти затруднения потом красною нитью проходят через всю его жизнь.

Не имея родового состояния и не умея устраивать своих дел, – в чем он совершенно не походил на брата Романа и старшего сына последнего Александра, скопивших громадные воронцовские богатства, – Михаил Илларионович постоянно нуждался, и в его просительных письмах к императрице о “пожалованиях” встречаются самые красноречивые изображения денежных бедствий просителя. Часто эти письма, кроме того, содержат внушительные списки долгов Воронцова, и в них вице-канцлер ссылается на то, что в его звании нельзя “жить по-философски, а надо – по-министерски”. Ему нужно шить ливреи лакеям, богатые платья, “иллюминации и трактаменты делать”. То он просит взять назад пожалованные ему деревни и выдать за них деньги, то повторяет ту же просьбу о принадлежащих ему горных заводах.

Хотя эти постоянные просьбы Михаила Илларионовича вроде бы дают повод заподозрить его в жадности, однако на самом деле он по справедливости мог закончить свои моле-

ния к государыне утверждением: “я от природы не сребролюбец и после меня богатства не останется!” Вице-канцлер мог смело говорить так: его тороватость и “простота” не подлежат сомнению, – они-то и заставляли Воронцова допекать Елизавету “воплем” о помощи. Высокое звание, которым был облечен Михаил Илларионович, и близость его к государыне обязывали много тратить на “представительство”, на что он и ссылается в просьбах. Ослепительная роскошь самой императрицы давала в этом отношении соблазнительный пример подданным.

К чести Михаила Илларионовича нужно сказать, что он, стоя так высоко на ступенях общественной лестницы, никогда не злоупотреблял своею властью из-за личных выгод, в чем немало был грешен его старший брат Роман.

Мы не можем удержаться, чтоб не привести выдержку из одного просительного письма Михаила Илларионовича о пожаловании ему деревень. “Ибо, – пишет Воронцов, – как свет сей без вариаций и теплоты солнечного сияния никак пробыть, а тело без души – движения отнюдь иметь не может, так и мы все, верные рабы Ваши, без милости и награждения Ваш. Импер. Вел. прожить не можем... И я ни единого дома, фамилии в государстве не знаю, которые бы, собственно, без награждений от Монарших щедрот себя содержали”.

Последнее замечание Воронцова весьма справедливо.

С возвращением милостей Елизаветы (в 1753 году), убедившейся в несправедливости наветов Бестужева, Воронцов наконец получил возможность поправить свои дела: ему было пожаловано одно из лучших барских имений в Ливонии, Мариенбург; но непрактичный вице-канцлер, нуждаясь в наличных деньгах, продал его за баснословно дешевую цену барону Фитингофу, положившему этою покупкою начало своему громадному богатству.

Императрица учредила конференцию, или постоянный совет, собиравшийся во дворце два раза в неделю для суждения о важнейших государственных делах. Одним из усердных посетителей и работников в этом совете был Воронцов, проекты которого, как мы уже имели случай заметить, часто одобрялись Бестужевым. Но все-таки следует сказать правду, что вице-канцлер ничем особенным в своей государственной деятельности не выдавался и в совете по-прежнему доминировал знающий и изворотливый Бестужев. Во всяком случае, за Михаилом Илларионовичем нет перед отечеством особенных заслуг в делах политических, где ему, правда, и трудно было выделиться при Бестужеве. Но внимание историка останавливается на нем, как на деятельном и порядочном работнике, бескорыстном и добром человеке и как на подготовителе своих племянников Александра и Семена Романовичей к будущей их деятельности.

Отношения вице-канцлера к русскому гению Ломоносову способны только усилить наше уважение к бескорыстному и доброму меценату Воронцову: он помогал Ломоносову, ходатайствовал за него и переписывался с ним, относясь с искренним уважением к диковинному помору. Непокладистый и не спускавший даже “сильным мира”, Ломоносов, кажется, искренно уважал Михаила Илларионовича.

Ломоносов, как известно, был на все руки мастер и имел право произнести свой знаменитый и гордый ответ Шувалову. Последний, рассердившись на Ломоносова, сказал ему, что “отставит его от академии”, на что не дававший и вельможам спуску Михаил Васильевич отвечал:

– Нет; разве академию от *меня* отставят!

Граф Воронцов часто пользовался разнообразными услугами Ломоносова: последний сочинял ему надписи на транспаранты, писал стихи и устраивал иллюминации, хотя и в этом случае сказывалась неладица в денежных делах Михаила Илларионовича. Так, в одном из писем к Ломоносову он просит об устройстве иллюминации по случаю какого-то торжества, но жалуется на денежную “скудость” и потому желает уладить это дело “на 500 рублев”...

Памятник на могиле Ломоносова в Александро-Невской лавре воздвигнут его искренним почитателем – Михаилом Илларионовичем Воронцовым.

Кроме переписки с Ломоносовым, Михаил Илларионович вел корреспонденцию и с другими просвещенными русскими людьми, например, Кантемиром. Многие письма Воронцова испещрены цитатами из Вольтера и других писателей. Замечателен факт, что многие из наших властительных вельмож, – даже самые отчаянные реакционеры, – упивались Вольтером и поддерживали оживленные сношения с этим резким разрушителем всяких кастовых привилегий и тонким борцом за свободу и гуманность. Этот факт, конечно, объясняется подражательностью и модою, и сомнительно, чтоб здесь участвовала разумная и ясная оценка со стороны наших тогдашних сановников деятельности великого писателя.

Наряду с важными государственными делами и поручениями Михаилу Илларионовичу приходилось нередко, как и другим крупным лицам, исполнять для государыни смешные комиссии. И этот факт характеризует вообще отношение тогдашних властителей к самым высокопоставленным лицам, как к личным их слугам и исполнителям прихотей. При Анне Иоанновне целый ряд представителей знаменитых фамилий забавлял ее шутовскими выходками, даже кудахтая по-куриному в лукошках в комнате государыни.

При Елизавете нравы были, конечно, мягче, но в деловой корреспонденции Михаила Илларионовича мы встречаем следы довольно странных поручений его повелительницы. В письмах, например, к Михаилу Петровичу Бестужеву (посланнику в Париже, брату канцлера) Воронцов просил “для высочайшего любопытства” немедленно доставить портрет в натуральную величину “славного карла короля польского Станислава”. Но все подобные черты, конечно, были в нравах того далекого прошлого, о котором мы здесь рассказываем.

Из записок княгини Дашковой видно, какое старание прилагал Михаил Илларионович к тому, чтоб дать лучшее воспитание своей единственной дочери вместе с подругою ее детства – известным впоследствии президентом Российской Академии. Обе они обучались у лучших тогдашних учителей разным наукам и знали четыре языка. Вице-канцлер, как мы уже знаем, заботился и о воспитании своих племянников, детей брата Романа, – человека еще не старого, отдавшегося светским удовольствиям и мало обращавшего внимания на свое потомство.

Из сказанного нами обрисовывается портрет первого высокопоставленного Воронцова. Это был добрый, хороший и просвещенный человек с большою душевною “мягкостью”, редкий экземпляр в то жестокое и невежественное время, что не исключало, однако, в нем известной нравственной стойкости в важных вопросах; трудолюбиво и с талантом занимавшийся государственными делами сановник, хотя и не отличавшийся, как его знаменитый современник Бестужев, чрезвычайными дарованиями. Редкий семьянин, гуманный и заботливый в попечениях о родных и знакомых, он и в этом отношении далеко выделялся из круга своих надменных современников. Его бескорыстие было несомненно. Разные современники – князь Щербатов, Манштейн и другие, оставившие нам записки о делах минувшего, не сходясь в оценке дарований Михаила Илларионовича, все единогласно отдают ему справедливость как человеку бескорыстному и чуждому интриг. Вероятно, последнее обстоятельство немало способствовало тому, что он не имел особенных врагов и что ему пришлось удержаться на достаточной высоте при всех позже последовавших на родине событиях. В общем, с этими же симпатичными, но не особенно выразительными чертами смотрит на нас образ Михаила Илларионовича и со страниц воспоминаний о нем его племянников – Александра и Семена Воронцовых, многим обязанных дяде и глубоко уважавших его.

Царствование Елизаветы было прекрасным временем для семьи Воронцовых. Две старшие племянницы Михаила Илларионовича (дочери брата Романа) были почти с детства фрейлинами императрицы, у которой часто собиралась молодежь на обеды и балы. В доме вице-канцлера, нынешнем пажеском корпусе, постоянно почти находились представи-

тели всей фамилии Воронцовых, в особенности часто дети Романа Илларионовича. Очень нередко запросто бывала там и императрица, как известно, очень приветливая и простая, когда этому не препятствовали суровые правила придворного этикета.

Но то время было чревато переменами и событиями огромной важности, которые захватывали в свой круговорот всех властных представителей современного общества... При дворе уже давно на смену Разумовскому появился Шувалов. Великая княгиня (впоследствии императрица Екатерина II), будучи 9 лет бездетною, разрешилась от бремени сыном... Это событие, упрочившее престолонаследие, необычайно обрадовало Елизавету и было отпраздновано бесконечными пирами и увеселениями, причем на окружающих пролились многие милости государыни... Приближалось уже время опалы Бестужева и возвышения Воронцова, время знаменитых побед русского оружия над Фридрихом Великим. Это время прибавляет несколько новых симпатичных черт к портрету Михаила Илларионовича, и мы теперь перейдем к названной эпохе.

Глава II. Михаил Воронцов – великий канцлер

Могущество Бестужева. – Опала Лестока. – Замыслы канцлера. – Ненависть к Фридриху Великому. – Союз с Францией и деятельность Михаила Воронцова. – Разгром Пруссии. – Щедрость на проекты. – Отступление Апраксина. – Опала Бестужева. – Назначение канцлером Воронцова. – Монополии и откупы. – Грех за Воронцовым по этой части. – Юноша Воронцов – послом в Англии. – Смерть Елизаветы. – Память о "доброй фее" у Воронцовых. – Воцарение Петра III. – Советы канцлера племяннику. – Осторожность дипломата. – Добрые отношения к подчиненным

Канцлер Бестужев достиг могущества в середине царствования Елизаветы. В костлявом и худом теле этого человека жила могучая душа, и борьба с ним была чрезвычайно трудна и опасна. Непомерное честолюбие являлось его господствующей страстью, но это честолюбие счастливо сочеталось с достижением результатов, полезных государству. Хитрый старик притом не забывал обид и не стеснялся в достижении своих целей никакими средствами. Мы уже видели, как он ловко удалил препятствовавшего его планам посланника Франции Шетарди. В своей ненависти к Фридриху II он пошел еще дальше и не постеснялся удалить из России принцессу Ангальт-Цербстскую, мать Екатерины II, слишком усердно и бесцеремонно интриговавшую в пользу прусского короля. Наступила очередь и Лестока.

Знаменитый авантюрист достиг в начале царствования Елизаветы всего, чего только может жаждать человек, ценящий "земные блага": почестей, чинов, орденов и богатств, пользуясь притом большим влиянием на императрицу. Но всего этого Лестоку было мало: он, по-видимому, скучал без интриг и тяготился влиянием Бестужева. Подкапываясь под него, он придрался к случаю "заговора Ботты", чтоб доконать врага, и в этом случае, кроме других лиц, пострадали Лопухин и жена брата канцлера (впоследствии нашего парижского посла). Однако хотя это событие в известной степени и отразилось на репутации Бестужевых, императрица слишком ценила знания братьев, – в особенности великого канцлера, – чтобы оправдать надежды Лестока на гибель врагов. Старик, великолепно зная все государственные дела, снимал с императрицы тяжелую обузу управления Россиею: он, так сказать, "разжевывал" ей всякое дело, и вся забота ее заключалась только в том, чтоб написать на докладываемой бумаге знаменитое "Елизаветъ".

В свою очередь Бестужев отплатил Лестоку за его подкопы. Последнему пришлось испытать все неудобства борьбы с канцлером и муки тех пыток, на которые он сам с большою легкостью послал несчастных женщин, виновных разве только в излишней болтливости, а Лопухину – еще и в том виновную, что, как было сказано выше, соперничала красотою и нарядами с государыней. Но Лесток оказался стойким на дыбе, и от него ничего не допытались, хотя обвиняли и уличали во многом. Действительно этот смелый француз был способен на всякие "авантюры", но в упоминаемое время (1748 год) его вины заключались главным образом в том, что он с представителей всех держав брал взятки и часто действовал в пользу тех государств, интересы которых были противны выгодам России.

Звезда Бестужева померкла через десять лет после осуждения Лестока, но все-таки и эта "старая лиса" дождалась печального конца (1758 год). Старик давно уже начал надоедать императрице своим брюзжаньем, неподатливым характером и постоянными наветами на окружающих. Кроме того, он не переставал измышлять разные рискованные политические комбинации и дождался наконец обвинения, может быть, до известной степени и справедливого, – в желании устранить от престола Петра III, обвинения, которое и было причиною его падения, тем более, что он имел слишком много ненавистников и врагов.

Но прежде, чем перейти к этому обстоятельству, выдвинувшему Михаила Илларионовича, мы должны бросить взгляд на тогдашние европейские события и положение дел при русском дворе.

Знаменитое “европейское равновесие”, в стремлении к которому наши политики делают положение Европы таким шатким и неустойчивым и постоянно дерутся, имело и тогда многих адептов среди людей, заправлявших судьбами государств; оно и тогда было одною из незыблемых аксиом политических доктринеров. Успешная борьба Фридриха Великого с Австриею за политическое преобладание сделала слишком сильным этого государя и нарушала пресловутое “равновесие”. Начали образовываться союзы и против Фридриха, и одною из первых держав, отпавших от Пруссии, была Франция.

У нас все одинаково ненавидели Фридриха, кроме только великого князя (Петра III), его страстного почитателя. В государыне искусно раздували неприязнь к ее коронованному современнику, выставляя на вид его злословие и коварные замыслы заместить дочь Петра на русском престоле другими претендентами. Неприязнь к Пруссии была общая, но к Франции относились различно: Бестужев ее не любил, а Воронцов и Шувалов, ставшие могущественными при дворе, тяготели издавна к ней. Сношения с этою страною, прерванные почти на 10 лет, возобновились при энергическом содействии Михаила Илларионовича Воронцова. Последний действовал в данном случае не по одним личным симпатиям, но и по убеждению в пользе союза с родиною Вольтера. “Я никакого пристрастия и ненависти ни к каким иностранным государствам не имел, не имею и впредь не буду, – писал он еще раньше Елизавете, вероятно, после наветов на него со стороны Бестужева. – Они все у меня дотоле в почтении содержатся, доколе к Вашему Величеству в искренней дружбе и любви пребудут”. Но как бы ни думал Воронцов о выгодах политического союза с Франциею или другою державою, они, эти державы, тогда, как и теперь, старались “выгребать жар из печи” русскими руками...

Итак, после успехов Фридриха и под влиянием сильной французской партии при дворе, был заключен союз с Францией; и в этом деле главным действующим лицом является Михаил Илларионович. Переговоры велись помимо Бестужева и втайне от него, так что канцлер узнал о союзе с Франциею тогда, когда уже все совершилось.

Успех этой политической комбинации был первым сильным ударом для самолюбивого великого канцлера. Впрочем, все уже давно замечали охлаждение государыни к когда-то всемогущему министру. По отзывам современников, к этому времени и сам канцлер не так усердно работал, как прежде; вечные интриги, постоянно напряженная нервная деятельность, множество дел – все это могло утомить кого угодно. Очень может быть, что на канцлера расхолаживающе действовало и изменившееся отношение императрицы, по целым годам не принимавшей его с докладами, а также и то, что трудами рук Бестужева пользовались другие; но является несомненным, что хитрый старик в упоминаемое время не выказывал уже прежней энергии.

Мы не будем здесь излагать подробно последовавших вскоре за образованием союза против Фридриха II действий России в семилетнюю войну, – это завело бы нас далеко за пределы нашего очерка. Гром русских побед, – правда, доставшихся нам ценою громадных жертв, – наполнил всю Европу. Непобедимый, гениальный Фридрих остался без войска и в отчаянии хотел покончить с жизнью, враги наводнили и опустошали его родину, Кенигсберг и Берлин были взяты, и губернатором королевства Прусского состоял русский генерал Корф... Существовало даже желание присоединить “прусскую провинцию” к России: Пруссия уже присягнула на подданство Елизавете и в этой новой нашей “губернии” заводились русские порядки... Рассказывают, что фавориту Шувалову очень хотелось прибавить к своему титулу и название “герцога прусского”... Если пирожник Меншиков был “светлейшим герцогом ижорским”, а берейтор Бирон – “герцогом курляндским”, то отчего же Шувалову, прирожденному русскому дворянину, не сделаться герцогом прусским? Весьма

возможно, что он некоторое время питал эти надежды, а Елизавета не прочь была исполнить его желание, тем более, что это послужило бы к унижению ненавистного Фридриха, очень невыгодно отзывавшегося и зло острившего насчет русской императрицы.

Вообще то далекое время было очень щедро на самые несбыточные проекты. Вспомним хотя бы план Екатерины II – завоевать всю Турцию и посадить на византийском престоле своего внука, которому с этою целью и было дано при рождении имя Константина. И тогда еще Турция считалась колоссом “на глиняных ногах”, хотя этот колосс живет с тех пор уже более сотни лет, проживет, вероятно, и еще немало времени, а если и рухнет, то завалит своими обломками всю Европу. Вопреки пословице “у семи нянек дитя без глаз”, европейские няни не совсем еще занянчили этого живучего младенца...

Щедрость прежнего времени на проекты, исполнение которых потребовало бы страшных, беспощадных жертв от государства, являлась естественным следствием неопределенности политических целей управителей, плохого знания родины и обилия “пушечного мяса”, с которым не церемонились.

Мы должны здесь остановиться на одном эпизоде семилетней войны – на первых шагах участия в ней русских. Апраксин, после некоторых удачных действий и после знаменитой победы при Гросс-Эгерсдорфе, форсированными маршами стал отступать к русским границам. Это похожее на бегство отступление было одною из причин падения Бестужева.

Около этого времени старый канцлер уже заключил дружбу с великою княгинею Екатериною Алексеевною (будущая императрица), очаровавшею всех своим умом и обращением. Видя болезненное состояние Елизаветы, которое могло разрешиться внезапною смертью, он уже составлял планы о преемнике больной государыни, помимо Петра III, неудобные свойства которого не могли не быть замечены прозорливым стариком. По этому плану престол переходил к внуку государыни Павлу Петровичу, а Екатерина назначалась регентшею. Современники говорят и о других вариантах этого проекта, который вскоре сделался известным императрице, – и над Бестужевым, обвиненным, кроме того, и в отступлении Апраксина с войском, разразилась гроза. Между тем это отступление Апраксина вовсе не входило в планы Бестужева и могло произойти от действительного недостатка провианта для войск в опустошенном крае, а также и от известия, достигшего до Апраксина, о болезненном припадке с государыней, в случае смерти которой престол переходил к Петру III, страстному почитателю талантов Фридриха.

Великий канцлер был приговорен к смерти, но эта кара была заменена ссылкою, во время которой враги (главнейший – князь Трубецкой), обвинившие его, изрядно попользовались имуществом опального, возвращенного из изгнания только при Екатерине II, за которую он пострадал. К чести Михаила Илларионовича, он не принимал участия в действиях комиссии, судившей знаменитого министра, и не был в стае людей, с жадностью набросившихся на имения и прочее имущество старика.

Апраксин, во время заседания допрашивавшего его трибунала, при неосторожном возгласе одного из членов последнего, принятом обвиняемым за намек на пытку, умер, пораженный апоплексическим ударом.

С удалением Бестужева главное заведывание государственными делами перешло к Михаилу Илларионовичу, к которому императрица все более и более чувствовала расположение. В качестве патриота, сконфуженного эпизодом с Апраксиным, он еще прежде умолял генерала Фермера, заменившего обвиненного военачальника в командовании армией “употребить искусство и оставленные города в Пруссии обратно взять, тем ее величеству и отечеству нашему бессмертную славу и честь доставить, а для своей персоны заслужить вечную благодарность и двор наш оправдать от продолжающихся в Европе нескладных мнений о храбрости и руководстве нашей армии...” Дальнейшие заботы М. И. Воронцова были также

направлены к торжеству русских над Фридрихом II, что и кончилось, как известно, разгромом Пруссии.

В 1758 году, 23 октября, Михаил Илларионович был назначен великим канцлером, – и эту весть объявила Воронцову сама императрица, приехав к нему в гости.

Хотя канцлер порой чувствовал себя серьезно больным, что и при Елизавете заставляло его просить отпусков и даже отставки, но он по-прежнему усердно занимался делами, посвящая в них также своих племянников – графов (графское достоинство было пожаловано обоим братьям канцлера) Семена и Александра Романовичей, которые, бывая постоянно у дяди, встречая там посланников всех держав и постепенно вникая в ход европейских дел, стояли au courant[3]. всех тогдашних политических событий. Эти Воронцовы уже в раннем возрасте проявляли развившуюся при благоприятной обстановке необычайную любознательность.

Звание великого канцлера – первой “персоны” в государстве – было слишком заманчиво, чтоб им не мог воспользоваться даже скромный и бескорыстный Михаил Илларионович для поправления своих делишек и для того, чтобы “порадеть родному человечку”. Это, впрочем, делалось им в скромных размерах и в приличной форме, так что отнюдь не изменяет прежней аттестации о его бескорыстии.

А денежные дела великого канцлера были по-прежнему плохи и ставили его нередко в неудобное положение. Еще ранее канцлерства какой-то досужий “газетир” утрехтский сообщал о Воронцове, что “ему за усердное тушение пожара дворца в Москве, где, с гренадерами смешавшись, жизнь свою экспонировал, пожаловано 25 каре в Лифляндии с 25 тысячами рублей ежегодного дохода”. Такой странный слух за границею об источниках его доходов очень оскорбил Воронцова, и он писал графу Головкину об истребовании от “газетира” объяснений, откуда тот почерпнул это известие о способностях Михаила Илларионовича по пожарной части.

Как известно, положение тогдашнего могущественного вельможи весьма благоприятствовало извлечению больших личных выгод путем получения разных монополий, откупов и подрядов от казны. Известно, что даже “великолепный князь Тавриды” не гнушался монопольною продажею водки и торговал стеклянными изделиями. Это, разумеется, являлось благовидным предлогом для выуживания разными способами казенных денег, потому что монополии и откупа были весьма разорительны для государства в руках могущественных сановников, за невозможностью наказать их и потребовать от них строгого отчета.

И за Михаилом Илларионовичем есть такой же грех, но, конечно, в более мягких формах. Желание поправить свои дела заставило и его пуститься в торговые спекуляции под крылом монополии. Он, будучи канцлером, в 1759 году выхлопотал с генерал-прокурором Глебовым привилегию на исключительный отпуск из портов Архангельского и Онежского льняного семени; к участию в этом деле канцлер приглашал и Кирилла Разумовского, обещая ему богатые “прибытки”. Но и тут не повезло Воронцову: его ожидания на выгоду от предприятия не оправдались и он не поправил своих дел...

Что же касается до помощи родным, то, будучи канцлером, Михаил Илларионович еще больше заботился о них, чем прежде. Мы уже говорили, что княгиня Дашкова до своего замужества жила у дяди; вместе с дочерью последнего они пользовались уроками у одних и тех же учителей, жили в одних комнатах и одевались одинаково, хотя никогда близко не сходились характерами и привычками. Впоследствии и сам канцлер недолюбливал Дашкову, находя, что у нее нрав “развращенный и тщеславный” и только “мнимые разум и наука”. Но этот дядин приговор смягчался указанием на заслуги племянницы, имевшей большое участие в восшествии на престол Екатерины II, в чем “ее должно весьма прославлять и

[3] в курсе, на уровне *(фр.)*

почитать”. Вообще, отметим при этом, что почти все Воронцовы, включая и отца княгини Дашковой, очень не любили Екатерину Романовну и справедливо обвиняли ее в некоторых предосудительных поступках.

С другою племянницею – Елизаветою, жившею на половине великой княгини, – у канцлера было тоже горе. Дядя пытался выдать ее замуж, но этого сделать не удалось. Вообще говоря, положение Михаила Илларионовича в отношении к “малому” двору (то есть к чете наследника престола) было странное. Сестры Елизавета и Екатерина, его племянницы, являлись антагонистками: интересы первой связывались с успехами Петра III, а другая, ненавидя Елизавету за ее “фортуну” и желая устроить свою собственную, стала страстным и энергическим бойцом за права великой княгини. Но следует сказать, что Михаил Илларионович в отношении к “малому” двору держал себя в высшей степени тактично, хотя мог бы, как это делали другие временщики, вести себя с большим гонором; напротив, он всегда действовал мягко и старался улаживать возникавшие недоразумения между императрицею и великокняжескою четою. Может быть, этому тактичному поведению в дворцовом деле Михаил Илларионович обязан тем, что и в последовавшие два царствования он все-таки играл известную роль, и Екатерина II к нему относилась милостиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.